

Виктор Бычков

Забудь обратную дорогу

Остросюжетная
литература

Виктор Бычков

**Забудь обратную дорогу.
Остросюжетная литература**

«Издательские решения»

Бычков В. Н.

Забудь обратную дорогу. Остросюжетная литература /
В. Н. Бычков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858796-2

Эта книга — первое произведение автора о Советской армии, которой он посвятил всю свою сознательную жизнь. Армия — это в первую очередь люди. О них, рядовых и офицерах, командирах и подчинённых, эта повесть. События развиваются в Афганистане, на войне, которая высвечивает все грани военнослужащего, его достоинства и недостатки, отмечая всё наносное, второстепенное. Книга о мужестве, о фронтовом братстве, доблести и чести. И о... приспособленчестве. Увы! И это тоже реалии Советской армии.

ISBN 978-5-44-858796-2

© Бычков В. Н.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	12
3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Забудь обратную дорогу Остросюжетная литература

Виктор Николаевич Бычков

© Виктор Николаевич Бычков, 2017

ISBN 978-5-4485-8796-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Сашка полюбил Лили Иванову. Да-да! Болгарскую певицу! Ту самую, которая в телевизоре.

Чудеса, да и только!

Правда, вживую пообщаться им не доводилось. По телевизору показывали концерт, там её и увидел Сашка. Впервые. А так – не уподобило. Но, увидев, так сразу же и влюбился.

Голос, голос-то какой! Да от одного голоса и влюбился. А ещё от песни, что пела Лили Иванова. От слов и от мелодии.

Забудь обратную дорогу,

Ту нашу первую весну,

Тебя не встречу у порога,

Руки не протяну.

Забудь обратную дорогу,

Того, что было, не вернуть.

Мою печаль, мою тревогу,

Забудь, любимый мой, забудь.

Вот они-то, – голос, слова и мотив, так запали, что разбередили душу Сашки. Особенно, то лирически-грустное настроение, которое исходило от песни, её слов, от музыки, – всё это было созвучно его душе, его настроению. Стыдно сказать, даже вышибало слезу.

И сейчас, где бы он ни был, всегда напевал эту песню:

– Забудь обратную дорогу,

Того, что было, не вернуть...

Она, песня Лили Ивановой, можно сказать, стала гимном для лейтенанта Епишкина.

Когда-то, будучи курсантом военного училища в Воронеже, Сашка был с друзьями в увольнении, и, на свой страх и риск, зашли в один из местных ресторанов. Хотя, если быть до конца честным, не положено такой категории граждан, как курсант военного училища, посещать увеселительные заведения типа «ресторан», но если сильно хочется, и тайком, то – можно через нельзя.

Так вот...

И выступала в тот момент в ресторане одна певица, молоденькая девчонка. Может быть, ровесница курсантов, или чуть моложе. И пела она, о, чудо! песню Лили Ивановой «Забудь обратную дорогу». Да так хорошо, так красиво, так проникновенно, так страстно пела, а ещё соблазнительно двигалась по сцене, что получалось не хуже самой Лили, а может быть и лучше. Нет, лучше, конечно, лучше! Так считал Сашка, потому как уж очень сильно понравилась она ему.

Тут совпало всё в одной точке, сошлось в одном меридиане, наложилось на него: и мелодия, и слова, и прекрасный голос, и красота самой девчонки, её привлекательность. Ну, фигурка там, выпуклые и оголённые в меру и чуть больше иные притягательные и соблазнительные части девичьего естества.

Юбочка, открытая «до не могу», до дрожи курсантских частей тела каждой по отдельности и всех их в куче вместе взятых, скрытых и ограниченных в проявлении эмоций и желаний лишь строгой военной формой и воинскими уставами.

Носик, чуть курносый, но с хищными ноздрями. Крылья его разлетались в разные стороны, чуть бледнели, когда владелица втягивала воздух, и казались всемогущими и всеильными, готовыми втянуть туда и Сашку.

Яркие, полные, чувственные губки, слепящая белизна ровненьких зубиков...

Роскошные каштановые волосы, ниспадающие чуть ниже плеч, переливались в ресторанных огнях.

Само собой – взгляд чуть раскосых голубых глаз. Да такой, что с поволокой, от которого-то и свой взгляд не отвести. Они, девичьи глаза певицы, зачаровывали, дурманили, притягивали и затягивали юное сердце курсанта со всеми иными его потрохами куда-то в преисподнюю, в бездну. Без права на сопротивление или рассуждение. Без права на сомнение тоже. Но с правом и обязанностью потери курсантской головы. Не зависимо от того, есть в ней мозги или нет. Это уже роли не играло. Если в голове поселилась любовь, то иным веществам там места нет как инородным.

Правда, до таких умозаключений Сашка додумался чуть позже. Уже в процессе влюблённости, и в процессе психологического существования его, Сашки, как влюблённого биологического вида.

А тогда, до рокового похода в ресторан, Сашка страстно желал влюбиться. Да-да! Влюбиться! И не в телевизионную диву, а в настоящую, живую, осязаемую. Ибо до этого момента у него не было той, о ком можно было вздыхать ежесекундно, от которой нужно было с нетерпением ждать писем, с кем можно было потанцевать каждую субботу и воскресенье на танцплощадке в училище. А то и задыхаться в тайных смелых и дерзких мечтаниях, стыдливо пряча покрасневшее вдруг лицо от товарищей. Или к которой надо было спешить в увольнение. А то и в самоволку. Потому как любовь – штука не только коварная, но и требует иногда от влюблённых выхода за рамки правового поля. То есть, нарушать воинский устав. А куда деваться? Любовь – она... она не знает преград. Потому как военной присяги она не принимала. У неё другие законы.

У однокурсников были девчонки, а у Сашки не было до этого похода в ресторан. Только Лили Иванова.

Сказать, что он уж очень страдал от этого, значит, ничего не сказать. Страдал, да ещё как! Нет, он не комплексовал из-за внешности. Напротив.

Светлое, чистое скуластое лицо, словно вытесанное умелой рукой мастера с волевым взглядом искрящихся голубых глаз; крепкий, с ямочкой, подбородок. Ёжик из светлых, чисто блондинистых волос. Высокий, статный, сильный, с ярко выраженными бицепсами и трицепсами, Сашка был по-мужски красив, мужественен. Строен, подтянут, с безукоризненной строевой выправкой и подготовкой. На всякий случай, знаменосец. На всех парадах именно он, курсант Епишкин, носил знамя училища. И был кандидатом на золотую медаль, потому как учился прилежно.

И вот он влюбился повторно, но уже не в телевизионную диву Лили Иванову, а в её живого прототипа, в ресторанный певицу.

Как только увидел, так и влюбился. Тем более, она запела его любимую песню. И пела замечательно. А выглядела ещё лучше. Даже лучше, чем та, которая в телевизоре.

Сашка не помнит, что подавала к столу официантка, о чём говорили его товарищи. Он был всецело поглощён созерцанием певицы, её голосом. Наслаждался песней, упивался красотой девчонки. И грезил. Гречи-и-и-ил!

– Что сопли развесил, Сашка? Чего рот разинул? – лучший друг Стёпка Точилин толкнул его в бок. – Нравиться?

– Ты это... и вообще... – Сашка вздрогнул, засмутился вдруг. – Я это... уйду лучше.

– Э-э-э! Да ты, кажись, Санёк, втрескался в певичку?

– Не смей! – Сашка подскочил за столом. – Не смей! А не то....

– Точно! Втюрился! – Стёпка ржал, как застоявшийся жеребец, ничуть не стесняясь ни посетителей ресторана, ни товарищей.

Но, надо отдать ему должное, в ситуации разобрался мгновенно и принял единственно верное на тот момент решение, и тут же приступил к решительным действиям.

С силой усадил товарища на стул, с жаром зашептал на ухо:

– Если нравится девчонка, идиот, так иди, пригласи её на танец, дурачок. Так и познакомишься. Да не забудь своё имя сказать, что, мол, ты – Сашка, это имя твоё такое, не забудь. Не должность и не звание, не кличка это, а имя, имя! Иди, пока я тебе не оторвал голову, и не засунул тебе же в штаны! Головой думать надо, Сашок, а не только фуражку носить и заглаживать ею курсантскую порцию в столовой.

– А... а... а как? Как пригласить? Как танцевать? – Сашка от волнения стал задыхаться и заикаться. – Я... я... не могу, Стёпа. Лучше ты, – выдохнул из себя потенциальный кавалер. – Я... я... я стесняюсь. Ты же знаешь, Стёпка.

Да, стоит сказать, что Сашка на самом деле был робким, стеснительным. Даже болезненно стеснительным и робким. И это при его-то росте и при его-то силе?! Однако, это так. Факт неоспоримый.

Когда товарищи в курилке приступали обсуждать девчонок, рассказывая о своих похождениях, Епишкин старался уйти куда-нибудь, чтобы не слышать, чтобы его никто не видел в этот момент. Ему всегда казалось, что девчонки – это... это что-то или кто-то за пределами его сознания, за пределами бытия. Это некто обожествлённый, святой, наконец. И считал кощунственными те курсантские истории с обязательными вульгарными подробностями, смакованием очередной победы очередного покорителя женских сердец.

– Не могу, Стёпка, – жалко лепетал Сашка тогда в ресторане. – Лучше ты, Степа. Нет, я лучше уйду.

И уже сделал было попытку подняться и уйти на самом деле.

– Сидеть! – приказал Точилин. – Сидеть, тюха, раз туды твою мать! – зло прошипел над ухом Степан.

Сашка, как человек военный, приказы научен был выполнять без рассуждений. Потому и остался сидеть, лишь хлопал глазами.

И уже через минуту Точилин вел в танце певицу. А она держала микрофон, пела во время танца, смело положившись на своего партнёра. Пара уверенно скользила среди множества танцующих пар.

Сашка, опустив голову, остался сидеть за столом, переживал из-за своего стеснения, из-за своего совсем не бойцовского и не героического характера. И злился на себя, казнил себя самыми последними, уничижительными словами, которые только были в его лексиконе.

– Знакомся: мой лучший друг и товарищ, знаменосец Сашка, курсант Александр Епишкин, если что, – голос Степки Точилина вернул Сашку в переполненный зал ресторана.

Перед ним остановилась пара – Стёпка и певица.

Степан повёл рукой в сторону Епишкина, и даже немного качнул головой, словно кланяясь, одновременно подталкивая девчонку к товарищу.

Сашка опешил.

– Оксана, – девушка первой протянула руку.

Вытерев вдруг проступивший на лбу пот рукавом форменного кителя, совершенно забыв о носовом платке в кармане форменных брюк, Сашка обиженно, по-детски, зашмыгал носом.

– Вот, – ответил он растерянно, не вставая, и слегка пожал руку девушки.

И снова выручил Степан.

Ухватив товарища под руку, оторвал от стула, с силой подтолкнул к Оксане, почти в объятия.

– Вставать перед дамой надо, – зло прошипел в лицо друга, и тут же расплылся широкой улыбкой:

– Когда уж замуж невтерпёж, – произнёс загадочную фразу Степан, – вы, молодые люди, сами, без помощи старшего постарайтесь обойтись. Небось, справитесь, – и удалился, успев

с силой ткнуть кулаком в бок товарища, чтобы взбодрить, и прошипел в покрасневшее Сашкино ухо:

– Дерзай! Это приказ! А не то оторву всё, что болтается!

Епишкин в этот момент стоял, вытянув руки по швам, опустив голову, красный от смущения, и от удара лишь икнул.

Оксана не без интереса, оценивающе рассматривала Сашку. Многозначительно хмыкнула. По всем данным, сей гвардеец ей понравился с первого взгляда.

– Смелее, Саша, – девушка взяла инициативу на себя. – Смелее! – увлекая кавалера за собой.

Тот первый танец с Оксаной Сашка помнит смутно. И о чём говорили во время танца – тоже окутано тайной и мраком. Из-за Сашкиного беспамятства и страшного волнения.

Тогда же, в тот день, а вернее, вечер, курсант Епишкин впервые не явился на вечернюю поверку. Ибо был занят одним из благороднейших занятий настоящих мужчин, как он считал: провожал даму. Оксану, то есть. По её просьбе.

Отказать? Сашка не мог позволить себе такое. По определению.

И, конечно, попался военному патрулю на обратном пути в казарму.

Трое суток на гарнизонной гауптвахте казались бесконечными.

– Бьют не за то, что ходил в самоволку, а за то, что попался, – назидательно резюмировал поступок товарища Степан Точилин.

Как бы то ни было, а с мечтой о золотой медали курсант Епишкин распрощался. Дисциплина, помимо знаний, тоже должна была быть на высоте.

Впрочем, разве может золотая медаль заменить Оксану? Её голос? Её тело? Конечно, нет! Особенно, когда она тихонько напевала а капелла только для Сашки по его просьбе в девичьей постели на съёмной квартире, где обитала девушка:

– Забудь обратную дорогу

Ту нашу первую весну... – и нежно гладила Сашкину голову, беспрестанно целуя его.

А он умирал от счастья. Нет, млел от счастья. Неземного счастья. Неземного блаженства.

Вот она – высшая награда! Вот она – его золотая медаль!

И почему же в те трогательные и нежные моменты, на вершине неземного блаженства Сашка не вникал в смысл песни? Почему? Ему бы вникнуть глубоко, основательно, с взглядом на перспективу. А он?

Не догадался. Даже не мог подумать об этом, чтобы подвергнуть сомнению те нежные, чистые и светлые чувства. Оксана – богиня! Разве может богиня поступить так, как поступила Оксана впоследствии?

Корил себя погодя, но уже было поздно.

И было это потом.

А пока всё было по-старому.

– Забудь обратную дорогу,

Ту нашу первую весну,

Тебя не встречу у порога,

Руки не протяну... – продолжала ворковать Оксана по личным заявкам училищного знаменосца, красавца курсанта Епишкина. И всё плотнее и плотнее прижималась к его бицепсам и трицепсам, всё жарче и жарче был шёпот любимой. И всё выше и выше воспарял опьянённый неземной любовью юноша.

«С большей высоты больше падать», – эту прописную истину курсант Епишкин слышал от своего дедушки не раз ещё в детстве, но познавать её лично начал только в момент ошеломительной влюблённости.

В тот вечер, сразу после отбоя, Сашка опять был в самовольной отлучке, ждал у ресторана Оксану.

Скамейка в тени деревьев, тихий, тёплый осенний вечер...

Сашка грезил, почти дремал.

– Тихо, тихо, – вернул его из грёз, опустил на грешную землю голос Оксаны.

– Какой же ты нетерпеливый. Не здесь, потом, потом, – тяжелое дыхание девушки прерывалось затяжным, страстным поцелуем.

Но не с Сашкой. А с каким-то незнакомым мужчиной, который целовал девушку почти рядом с Сашкой, за деревом. И тоже тяжело, прерывисто дышал, как и она.

Если за мгновение до этого Сашка и был готов упоительно слушать жаркое дыхание любимой, и самому исходить страстью, то сейчас не менее страстно желал превратиться в дерево, в скамейку, или в кустарник, или хотя бы в столбик для фонаря. Или, на худой конец, провалиться сквозь асфальт.

Но, поскольку он от рождения не обладал способностями столь кардинального перевоплощения, а в военном училище не учили на волшебника, то земля вместе с асфальтом не раступилась, не образовалось разлома в тартарары, в преисподнюю. Деревья и столбы оставались в своём первоначальном природном составе без Сашкиной телесной или иной примеси. Поэтому ни исчезнуть, ни превратиться во что-либо он так и не смог. Остался сидеть, как сидел.

Истуканом.

– Ой! – вскрикнула Оксана. – Сашка? Ты что здесь делаешь?

– Вот, – только и смог ответить Сашка, обиженно, по-детски шмыгнув носом.

Точь в точь, как и тогда, при первом знакомстве.

А потом он шёл по ночному городу и пел!

Пел, не боясь разбудить горожан, не боясь привлечь к себе внимания случайного прохожего, милиции или военного патруля. Он уже ничего не боялся. Сашку не пугала его музыкальная бездарность, полное отсутствие музыкального слуха не пугало тоже. И не смущало. Ни капельки.

– Забудь обратную дорогу,

Того, что было, не вернуть, – кричал Сашка.

Эти Сашкины звуки ни в коем случае не были похожи на арию одинокого, обманутого любовью курсанта. Не походили они и на нежные, страстные звуки серенады под окном возлюбленной.

Это был крик отчаяния.

Он выкрикивал в ночной Воронеж слова песни, словно выплёскивал душевную боль. Орал речитативом. От этого ора лишь вздрагивали сонные вороны на ближайших деревьях, и, недовольные, тоже орали, словно вносили и свою лепту, гармонично вписываясь карканьем в какофонию звуков, исходящих от Сашки.

Зато, как никогда, он стал понимать глубинный смысл текста песни Лили Ивановой. И пропускал его сквозь себя, будто испытывая себя же на прочность, маниакально причиняя себе же всё новые и новые боли. Рвал по живому.

– Забудь обратную дорогу,

Того, что было, не вернуть, – выплёскивал из себя Сашка, подспудно желая разделить с сонным городом Воронежем жгучую, невероятную душевную боль.

А город спал.

Безразличный.

Бессердечный.

Безжалостный.

Жестокий.

Бездушный.

А Сашка пел! Нет, он горланил. Назло и вопреки всему и всем.

И себе тоже.
Исцелялся.
Приходил в себя.

2

Майор Камешков Михаил Сергеевич прибыл в Ташкент поездом.

Всю дорогу по несколько раз в сутки по составу передавали песню болгарской певицы Лили Ивановой «Забудь обратную дорогу». И эта мелодия настолько «въелась» в майора, что уже навязчиво звучала в голове помимо его самого, помимо его воли.

Эту песню Михаил Сергеевич услышал впервые давно. И как-то особо не придавал значения. Хотя ему нравилась эта певица, нравилась мелодия. Слова текста майор подверг беглому анализу, и пришёл к выводу, что смысл заложен в песню глубокий.

– Забудь обратную дорогу,

Того, что было, не вернуть, – частенько напевал майор Камешков.

Ему предложили командировку в Афганистан. Всего лишь на год. Спасибо Главкому ВВС товарищу Кутахову Павлу Степановичу. Это он добился шестимесячного срока командировки для лётного, и годичного – для наземного состава Военно-воздушных сил СССР. В пехоте – намного сложнее. Там – два года и никуда не денешься.

Камешков не сразу согласился.

По скудным сообщениям в печати, а ещё больше из рассказов тех офицеров, кто уже побывал в Афганистане, Михаил Сергеевич хорошо знал, что там, в чужой для него стране, советские воины-интернационалисты не высаживают парки с аллеями дружбы. А если и высаживают, то в перерывах между боями. Да-да! Там идёт война. Настоящая, кровавая. Не киношная. Поэтому быть её участником майор особым желанием не горел. Потому как не видел себя в цепи атакующих.

А тут вдруг вызвали в вышестоящий штаб, и предложили.

А у него дочка только-только заканчивала десять классов, сдавала экзамены. Надо было определяться с её дальнейшей учёбой. Уже на семейном совете выбрали институт, даже поговорил кое с кем предварительно, хорошо посидели в ресторане несколько раз с кем надо. Перспектива вырисовывалась радужная. Чего зря говорить. Стоило довести дело до логического финала лично, ни на кого не надеясь. Всё ж таки дочь. Кто же, если не родной отец о ней позаботится? Да и сынишка подрастает, рука отцовская нужна.

И вдруг командировка. А если, не дай бог, что? Кто тогда возьмёт на себя заботу о детях? Мать? Да что она сможет сделать?! Причитать да скандалить умеет. Вот и всё. А серьёзными делами надо заниматься отцу. Тем более, и сынишка мужского присутствия требует.

Да и война там. С какого испуга он, майор Камешков, должен голову свою подставлять? Интернационализм – это для работы, для подчинённых, для газет и для телевидения.

Однако беседа с начальником политотдела дивизии не прошла даром. Шеф пообещал взять на личный контроль судьбу дочери. При нём, при Камешкове, позвонил ректору института, уладил все дела, не выходя из рабочего кабинета.

– Вот видишь, считай, уже зачислена твоя дочь в институт на исторический факультет. Осталось чистая формальность – оформить документально. Но, это уже после экзаменов. Так что, можешь быть спокойным, Михаил Сергеевич, и за детишек, и за семью в полном составе, – убеждал и успокаивал полковник Заболотный, доверительно положив руку на плечо подчинённого. – Мы, политработники, своих не бросаем, ты же знаешь. Вот отбудешь свой срок, выдвинем тебя на вышестоящую должность. Получишь звание «подполковника». А если награду серьёзную умудришься заслужить, то и выше. Чем чёрт не шутит, а?

– Оно, конечно, товарищ полковник, – тянул майор Камешков.

Но уверенности и бодрости в его голосе не было слышно. Это заметил и начальник.

– Пойми ты, садовая голова. Разрядка из округа пришла, нужен секретарь партийного комитета авиационного полка. Кого я пошлю? Должность не пыльная, тебе хорошо знакомая.

Документация, партсобрания, заседания партийной комиссии, приём новых членов, то да сё. Сиди себе в кабинете, горя не зная. Ты же на боевые задания летать не будешь, если с ума не сойдёшь, конечно, и по доброй воле не погрёшься под пули. В закрытом гарнизоне, под надёжной охраной. По выслуге – год за три идёт, тройной оклад, Один – чеками Внешторгбанка, два – в рублях. Клади на книжку или переводи жене. Вернёшься в Союз – машину легковую вне очереди. В дивизию тебя переведём. А это уже совершенно другие масштабы. Ну, соглашайся!

– Да-а-а, – тянул майор. – Оно, вроде и так, однако...

– Михаил Сергеевич! Дорогой ты наш! – воскликнул начальник. – Да ты понимаешь, что после Афганистана вас, воинов-интернационалистов, будут на руках носить! Как тех, кто был в Испании когда-то. Ну, что скажешь?

После той беседы как раз впервые и услышал песню Лили Ивановой майор Камушков.

– Вовремя она, ко времени, к месту песня эта, – рассуждал сам с собой Михаил Сергеевич. – Вот и слова подходят как никогда:

– «Забудь обратную дорогу», – точно, забудь. Обратной дороги нет. Знак это, хороший знак. Значит, судьба. А эта Лили Иванова – бабёнка ничего себе, аппетитная, – и глубокомысленно вздыхал.

А потом был отпуск, а уж после него – поезд и Ташкент.

Отсюда ему предстоял путь в Демократическую республику Афганистан – ДРА. Из аэропорта «Тузель», что в Ташкенте, и в аэропорт «Ариана». Это уже Кандагар, юг Афганистана. На Ил-18. В тамошний авиационный гарнизон на должность секретаря партийного комитета полка. Об этом ему поведали в штабе авиации Туркестанского военного округа, где он предварительно побывал в политотделе, а потом и уточнили на пересыльном пункте.

Сейчас он коротал время в аэропорту «Тузель».

Уже прошёл таможенный досмотр, ждал команды на посадку в тени Ил-18 на поле аэродрома. Рядом с ним толпилась масса военного народа с сумками, баулами и чемоданами. Большинство из них было в новенькой полевой форме из полушерстяной ткани, перетянутой такими же новыми ремнями портупей, в скрипучих, начищенных до блеска хромовых офицерских сапогах. Точь в точь как одет и он, майор Камешков.

«Новички, как и я», – сделал заключение майор, переминаясь с ноги на ногу.

Его внимание в очередной раз привлёк капитан-артиллерист в новой и непривычной для Советской армии в Союзе полевой хлопчатобумажной «афганской» форме.

Этого капитана Михаил Сергеевич впервые увидел на пересыльном пункте, где они вместе ночевали. А потом встретились на таможенном досмотре.

Он стоял в очереди перед ним, перед майором.

Тогда у капитана обнаружили лишнюю бутылку водки. Можно было перевозить литр, а у него было полтора литра.

– Друзьям это, девушка, – убеждал капитан молодую сотрудницу таможни. – Ждут они меня, понимаете. Вот, в госпитале после ранения был. Товарищи мои меня на руках, можно сказать, жизнью рискуя. А я приеду с пустыми руками, и не смогу их угостить. Не честно это, не по-мужски.

– Не положено! – стояла на своём сотрудница. – Хватит и двух бутылок.

– Вы же красивая девушка, – капитан сыпал комплиментами. – Красавица! А войти в положение не хотите. Не хватит двух бутылок, не хватит! Я же знаю своих друзей. Им и трёх мало будет, а одной бутылки всегда не хватает.

– Не положено! – непреклонно стояла на своём девушка. – Вот сейчас конфискую одну бутылку, и пропущу вас.

– Как это конфискую? – возмутился капитан. – Вы её купили, что ли, чтобы забирать?

Камешков хотел было предложить капитану свои услуги: в его вещах не было спиртных напитков. Можно было взять эту злощастную бутылку у капитана, а потом в самолёте вернуть ему обратно.

С уст майора уже были готовы сорваться слова о помощи капитану. Но потом передумал.

«Зачем? – рассуждал сам с собой майор. – Что ещё могут подумать вон те два полковника из политотдела округа, что стоят чуть в стороне от очереди и наблюдают? Не хватало ещё стать соучастником и собутыльником».

– Выбросьте или выпейте, – устало махнула рукой девушка тем временем, принуждая капитана к хоть каким-то конструктивным действиям. – Если вам так жалко эту бутылку. Не задерживайте очередь.

– Мысль! – капитан тут же в очереди открыл бутылку, и, на виду у всех, запрокинув голову, вылил в себя пол-литра водки, занюхав рукавом.

– Ну, вот, – девушка протянула капитану документы. – И нашли выход.

Ещё на пересыльном пункте Камешков обратил внимание, что рядом с капитаном-артиллеристом всегда находился сержант-артиллерист в такой же, как и капитан, форме. Из нечаянно подслушанных бесед майор знал, что капитан – это командир батареи, а сержант – командир расчёта этой батареи, его подчинённый. Их воинская часть стоит в Баграме, под Кабулом. И что они оба были ранены в одном бою, и вместе проходили курс лечения в Ташкентском военном госпитале. А сейчас возвращались к прежнему месту службы.

От безделья Михаил Сергеевич вглядываясь в лица попутчиков из-под крыла самолёта, изучал их.

Бросался в глаза молоденький лейтенант с удивительно светлыми волосами.

Высокий, стройный, подтянутый, он олицетворял собой сошедшего с плаката образцового советского офицера.

«Интересно, он седой или это естественный цвет волос? Нет, всё-таки, чистый блондин. Но всё равно хорош, чертяка, хорош!», – восхищённо думал майор, непроизвольно сравнивая себя с лейтенантом.

«Да, не эталон, это уж точно. Пузцо, пузцо-то, увы!», – поглаживая живот, сделал неутешительный вывод и немного даже взгруснул.

Тем временем обстановка на аэродроме «Тузель» в месте посадки на Ил-18 начала резко меняться.

Виной тому стал всё тот же капитан-артиллерист.

Выпитая из горла бутылка водки в здании таможни уже на солнцепёке давала о себе знать. И не в лучшую сторону.

Капитана шатало, если не штормило. Не только изменилась походка, но и попытка устойчиво стоять, облокотившись на стойку самолётного шасси, удавалась с трудом.

То и дело его клонило то в одну, то в другую сторону. Спасал всё тот же сержант.

Крепко, надёжно ухватив командира под локоть, сержант не давал начальнику уйти в нежелательное путешествие по аэродрому.

– Постыдитесь, капитан! – откуда-то появились два полковника, которые когда-то наблюдали за прохождением таможенного досмотра и немного смутили майора Камешкова в его благородном порыве.

Сейчас они взялись за капитана-артиллериста.

– Как вам не стыдно! В присутствии подчинённого и в таком отвратительном виде?!

Ответить что-либо капитан или не мог, или не хотел. Он лишь выставил ладонь свободной руки, водил ею, совершая некий успокаивающий жест, как пассы экстрасенса.

Сержант же, напротив, кинув испепеляющий взгляд на высокое начальство, всякий раз старался отгородить собой капитана, прикрывал.

– Да что с ним говорить, Вениамин Петрович, – полковник, который пониже, обратился к товарищу. – Надо снять его с рейса и все дела. Будет он ещё позорить здесь честь офицера.

– Вы правы, Николай Николаевич. Надо только вызвать офицерский патруль и отправить этого вояку на гарнизонную гауптвахту, – согласился тот полковник, который повыше. – Там проспится, а потом видно будет, что с ним делать.

– Товарищ майор! – вдруг обратился к Камешкову полковник, которого назвал Николай Николаевичем его сослуживец.

– Будьте добры! В здании таможни есть телефон. Вызовите, пожалуйста, офицерский патруль. Номер телефона вам подскажут сотрудники таможни.

– Есть! – ничего другого Камешков ответить не смог.

Хотя потом уже недовольно ворчал. Но молча, про себя.

«Лейтенанты есть, товарищ полковник, для этих целей, на побегушках чтобы. Что ж вы так неосмотрительно? Всё ж таки майор, старший офицерский состав, а вы? И прапорщиков здесь же – не протолкнуться. А выбрали меня. Тьфу!».

Патруль, на удивление, прибыл через несколько минут. Майор, капитан и старший лейтенант. С повязками, при оружии.

– Отведите на гауптвахту этого вояку, майор! – приказал полковник, тот, который Вениамин Петрович. – И обязательно доложите дежурному по управлению штаба округа. Надо сообщить непосредственному начальству этого пьяницы. А я уж постараюсь не оставить его проступок безнаказанным.

До этого стоявший безмолвно капитан-артиллерист, вдруг, словно протрезвев, умоляюще поднял руку, и почти трезвым голосом произнёс:

– Зачем же на гауптвахту, товарищ полковник? Вот сейчас сяду в самолёт, и всё. К Кабулу буду как стёклышко, просплюсь, – и жалко улыбнулся, попеременно глядя то на одного, то на другого полковника, изредка бросая взгляд и на патрульных офицеров.

– Раньше надо было думать, капитан. Уведите его! – это уже майору из состава патруля.

– Есть забрать и увести! – козырнул майор и направился к нарушителю дисциплины.

Следом, без команды, двинулись и его подчинённые.

– Пройдёмте! – майор приказал капитану-артиллеристу, взяв того под локоть.

И тут произошло то, чего никак не ожидал майор Камешков. Впрочем, наверное, никто из тех, кто в тот момент находился у самолёта Ил-18 в ожидании вылета в Афганистан, не ожидал тоже.

– Это кого забрать? Кого увести? Меня, что ли? – капитан-артиллерист вдруг резко дёрнулся, освобождаясь от опеки майора и сержанта. – Вы в своём уме, что бы меня, и вдруг забрать?!

– Прекратите сейчас же! Следуйте за мной! – приказал майор. – Заберите его! – это уже своим патрульным.

– А вы попробуйте! – капитан-артиллерист на этот раз резко рванул на себе китель.

Пуговицы, издав характерный треск, вырвались, обнажив голую грудь капитана с явными, красными, ещё хорошо не зажившими рубцами.

– Ну! – глаза капитана наливались кровью, а вот лицо побледнело.

Сам он весь подобрался, сжался, готовый к драке.

И в тот же миг рядом с ним встал сержант.

Сняв головной убор, засунул его за пазуху. Спокойно, удивительно спокойно, демонстративно медленно стал закатывать рукава.

Отстегнул поясной ремень, взяв его за пряжку в левую руку, резким ударом ладони замотал оставшуюся часть ремня вокруг кисти правой руки. Дёрнул на разрыв, словно проверяя на прочность. Нагнув голову, глядя исподлобья, замер рядом с командиром, широко раздвинув

ноги для упора, готовый к любому развитию событий. И даже сделал полшага вперед, выдвинув себя на первый план, прикрывая капитана.

Выстриженные когда-то волосы на висках и затылке сержанта ещё не заросли, и обнажили присутствующим розовые, затянутые тонкой, прозрачной кожицей раны. Точь в точь такие же, как и рубцы у его командира на груди.

Действия капитана, а потом и сержанта шокировали присутствующих на аэродроме.

Майор Камешков опешил: такого он не ожидал!

Такого не ожидал никто.

По толпе невольных свидетелей прокатился ропот. Пока ещё тихий, робкий. Но постепенно он нарастал. Стали слышны отдельные голоса:

– Оставьте в покое, чего пристали к человеку? Проспится. Ничего плохого он не сделал.

– Чего вы ждёте, майор? Уводите их отсюда сейчас же! – крикнул чуть сорвавшимся голосом тот, который Николай Николаевич, видимо, имея в виду не только капитана, но уже и сержанта.

Офицерский патруль снова сделал шаг-другой в сторону нарушителей.

И вдруг из толпы, расталкивая зевак, к артиллеристам направился высокий, светловолосый лейтенант крепкого телосложения.

– Забудь обратную дорогу, – сквозь зубы напевал лейтенант. – Того, что было, не вернуть...

По ходу движения он снимал с себя ремни портупеи, полевую фуражку, сунул всё это в руки какому-то прапорщику, оголив коротко и аккуратно подстриженную абсолютно белую голову. Расстегнув крючок и верхнюю пуговицу френча, закатывая рукава новенькой полевой формы, встал рядом с капитаном-артиллеристом, подобрался весь.

– Того, что было, не вернуть, – долетало до майора Камешкова.

– Вы что творите? – кто-то крикнул из толпы.

– Не провоцируйте, товарищи полковники!

– Оставьте в покое!

– Чем пугаете? Эти люди видели и не такое!

– Не на отдых едут, а на войну.

– Имейте совесть, товарищи полковники!

– Патруль! Уходите от греха подальше!

Разрядил обстановку командир экипажа Ил-18, который до этого стоял у трапа самолёта безмолвный и безучастный.

– Товарищи полковники! – произнёс громко, заглушая ропот толпы. – Все фамилии внесены в полётный лист. И капитана в том числе. Вылет нашего борта стоит на контроле военного отдела при ЦК КПСС. Кто из вас возьмёт на себя ответственность за изменение списка в полётном листе и за задержку вылета?

И замер, выжидая.

Когда и куда исчез офицерский патруль, майор Камешков не заметил. Он лишь заметил, как, понурился, по трапу поднимались полковники. А ещё он видел, как командир экипажа пожимал руку капитану-артиллеристу, что-то говорил ему. Потом пожал руку сержанту, затем – светловолосому лейтенанту, и направился вслед полковникам, в самолёт.

Михаил Сергеевич заметил, как толпа закрыла троицу, как многие из толпы похлопывали по плечу то лейтенанта, то капитана, то сержанта.

Он, Михаил Сергеевич, не подошёл. Не посчитал нужным. Не видел причины подходить и хлопать по плечу. Потому как ребячество и нарушение устава всё это, считал майор Камешков. Так не должно быть. Это не по уставу.

Объявили посадку.

«Забудь обратную дорогу,

Того, что было, не вернуть», – звучало в голове.

Из иллюминатора видны были горы, снежные вершины и облака... облака... облака...

Рядом в кресле дремал светловолосый лейтенант.

На передних сиденьях расположились капитан-артиллерист и сержант. Капитан уже спал, положив голову на плечо подчиненного.

– Кого меняешь, лейтенант? – толкнул локтем в бок соседа Михаил Сергеевич.

– Заместителя командира аэродромно-эксплуатационной роты в Кандагарском авиационном гарнизоне.

– А-а-а-а, – зевнул майор, прикрывая рот ладошкой. – Отчаянный ты мужик, как я погляжу. Но без царя в голове, лейтенант.

– Да? А я и не знал. А вы, товарищ майор, кого меняете?

– Секретаря партийной комиссии авиационного полка в Кандагаре.

– А-а-а-а, – открыто, широко зевнул лейтенант, обнажив здоровые белые зубы.

Забудь обратную дорогу,

Того, что было, не вернуть.

Тебя не встречу у порога,

Руки не протяну.

А где-то там, внизу, уже проплывали величественно древние горы Гиндукуша.

3

Жара ещё не наступила, потому как утро.

Это потом она заявит о себе на все градусы, а пока терпима.

Для лейтенанта Епишкин, – жителя средней полосы России, она – как испытание. Выдержит лейтенант такие условия или нет?

Сашка верит, что выдержит.

А чтобы усложнить экстремальные условия, он сейчас проведёт эксперимент над скорпионом. Да-да! И ничего удивительного в том нет.

Этого паразита лейтенант Епишкин выловил сегодня рано утром, с подъёма.

Делал зарядку, отжимался, и вдруг прямо перед собой между рук на земле увидел эту членистоногую паукообразную тварь. Сказать, что Сашка сильно испугался? Нет, конечно, испугался, чего уж кривить душой. Но не сильно. Однако достаточно для того, что подскочить мгновенно. Правда, убежать не бросился, а, поразмыслив, решил изучить эту особь более тщательно. Чтобы не пугаться в будущем.

Благо, судьба послала пустую консервную банку.

Не долго думая, с помощью ветки Сашка упаковал скорпиона в банку, хотя тот не соглашался, и, проявив завидную прыть, хотел было скрыться.

Но не тут-то было! Не на того нарвался. Уж, что-что, а Сашка оказался проворней твари. Так что, у скорпиона шансов не было от слова совсем.

Удовольствие от изучения твари лейтенант решил не откладывать на потом, а занялся этим познавательным делом сразу же.

В этом ему добровольно взялся помочь старшина роты прапорщик Смирнов.

– Интересно, – философствовал старшина, – если приготовить это благородное животное во фритюре, ты бы съел, Сан Степаныч? Допустим, под пивко?

– Нет, я люблю вяленых, – изрёк Сашка, принаравливаясь насадить скорпиона на сапожное шило, которым его вооружил прапорщик Смирнов в качестве хирургического инструмента.

Вокруг собрались солдаты, и тоже с интересом наблюдали. Правда, советов не давали.

Пока.

Оказывается, подопытный имел панцирь, и шило скользило по спине, не желало пронзать извивающуюся тварь, которая, напротив, норовила вонзить свои иголки в руку исследователя.

– Может, товарищ лейтенант, его током шарахнуть от аккумулятора? – подал идею рядовой Жилин.

– Нет, нельзя, – авторитетно заметил рядовой Маршков.

– Ты-то откуда знаешь, что нельзя? – стоял на своём Жилин.

– Светится будет, – глубокомысленно изрёк Маршков.

– Знатоки, итить в раз туды, – заругался старшина. – Вот сейчас вам в трусы скорпиона, тогда узнаете.

– А зачем? – невинным тоном спросил Жилин.

– Возбуждает, – авторитетно заявил старшина.

– Это из собственного опыта? – поинтересовался Епишкин, который к этому времени всё же нанизал скорпиона на шило.

Закончить исследование членистоногого существа помешала команда строиться на завтрак.

Если с утра ещё жить можно, жара не очень, то уж к обеду она предстаёт во всей красе: жарит невероятно. Недаром до шестнадцати часов наступает тихий час, жизнь замирает в гарнизоне.

Если простыню смочить в ведре воды, а затем, не отжимая, укрыться ею, то можно спокойно уснуть и поспать минут пятнадцать, двадцать. Потом, правда, простыня высохнет, а ты будешь весь в поту. О сне не может быть и речи.

А если забрать из каптёрки у старшины прапорщика Смирнова Николая Васильевича настольный электрический вентилятор, который тот зажилит, то можно поспать и всю ночь.

Но, сволочь, не даёт! И делиться не хочет. А жара в палатке такая, что дышать невозможно.

– Сан Степаныч! Перебирайся ко мне в каптёрку, – старшина в который уж раз пытается уговорить молодого лейтенанта:

– У меня здесь тишь и благодать. И вентилятор есть. Коечку я уже для тебя поставил, бельишко новёхонькое, то да сё. Тумбочку прикроватную новую, со склада. Но, главное, вентилятор! Он молотит как добрый компрессор с кондиционером вместе взятые. Благода-а-а-ать!

Ну-у, это уже запрещённый приём, удар ниже пояса.

Однако, лейтенант Епишкин не соглашается, и не сдаётся. У него есть железные контраргументы. Да и принципы в отношениях между людьми никто не отменял. А Сашка считает себя принципиальным.

– И мыши у тебя есть, и портянками воняет. А ещё коробка сигарет стоит на входе в каптёрку. От неё вонища, как от табачной фабрики. Лучше ты ко мне в палатку переселяйся.

– Зато у меня есть кипяtilьник! Мигом можно чай вскипятить. Или запарить в банке верблюжью колючку. Пей – хоть лопни!

– А у меня примус! – стоит на своём Епишкин. – Можно жаркое по-домашнему одной левой приготовить.

– А мне Димедрол ёжика притащил. Сейчас с мышами будет на счёт раз покончено.

Кстати, Димедрол – это не таблетки, не лекарство, это рядовой Демидов. Помощник старшины. Серёжей родители нарекли когда-то. Шустрый малый. А сейчас сирота. Воспитывался с бабушкой. Бабушка старенькая. И зачем единственного внука призвали в армии, – уму непостижимо. И, тем более, направили в Афганистан.

Сашка сидит на лавочке в тени казармы. Рядом с ним расположился старшина роты прапорщик Смирнов.

Препираются.

– Ну, так как, Сан Степаныч? Убедил я тебя? Чего ты ломаешься, как сдобный пряник?

– А ты храпишь, Коля Вася, – нанёс удар под дых собеседнику Сашка. – Хуже вертолёт рычишь во сне.

– А-а-а, – Смирнов немного замешкался, подбирая оправдания, но ничего иного не нашёл, как обвинить лейтенанта в том же пороке:

– А ты и сам храпишь, что даже я в каптёрке просыпаюсь от твоего храпа. Вот!

– Не ври, Коля Вася, – отмахнулся Сашка. – Я лицом вниз сплю, в отличие от некоторых.

Коля Вася – это Николай Васильевич. Его так за глаза зовут солдаты аэродромной роты. А Сашка и командир роты капитан Кравцов – в глаза.

Старшина вроде как и не обижается. Да и как обижаться, если в воинском коллективе приклеилась к кому-то какая-то кличка, то всё, это навсегда. Об этом знает не только старшина, но и каждый боец, каждый офицер роты. Впрочем, для любого мужского коллектива это знакомая и обычная практика.

У лейтенанта Епишкина две клички: «Седой» и «Пишка». Сашка не обижается. Ибо не обидно. Одна кличка от цвета волос, а вторая – производная от фамилии. Так что, ничего страшного и обидного нет. Ротного солдаты за глаза зовут «Кравой». Потому как фамилия его Кравцов.

В батальоне есть один товарищ, что его кличку произносить стыдно. Хотя фамилия – вполне себе нормальная – Иванов. А вот заслужил кличку – и не отмыться. Потому как носи-

тель этой благородной фамилии заработал репутацию, скажем мягко, рохли. Что в мужских коллективах не ценится.

Поразительная страна Афганистан!

Вон, горы. Их название – Чагай. Это часть гор Гиндукуша, его отроги.

Кажется, протяни руку, и можешь потрогать или погладить их шершавые гранитные бока. Ан, нет! До гор от казармы отдельного батальона аэродромно-технического обеспечения ого-го сколько километров будет. Рук не хватит дотянуться. Это видимость такая, иллюзорная, обман зрения. Кажется, что рядом, а на самом деле очень далеко. Хотя, когда наши бомбардировщики отрабатывали по душманам на склоне гор третьего дня, так и рёв самолётов, и взрывы бомб видно и слышно было, словно за стенкой палатки. Такая слышимость. И видимость тоже. Ибо воздух чист до безобразия, и раскалён под солнцем до марева.

В первые дни пребывания в Афганистане Сашка несколько раз пытался ставить босую ногу на песок, так сразу же одёргивал: печёт! Однажды положил свежее куриное яйцо, тоже хотел опровергнуть или подтвердить экспериментально расхожее мнение, что, мол, можно сварить яйцо в песке под Кандагаром.

Враки всё! Почти два часа пролежало яичко, а белок лишь чуточку изменил свой цвет и консистенцию. А вот ногу обжечь можно. Это правда, по крайней мере, ходить босиком по песку нежелательно.

И жарища – невероятная! Всё-таки тут пустыня Регистан со всеми её причудами, живностью, песками и жарой.

Что ещё удивило Сашку, так это колодец у его палатки. Даже не колодец, а четырёхугольная яма, заполненная водой.

Казалось бы, пустыня, горы, безжалостно палящее солнце, а, поди ты, вода находится рядом с поверхностью. Ямка, вырытая на глубину около трёх метров, и уже вода! Вот она, плещется на глубине в метр-полтора от поверхности. Чудеса, да и только!

Рядом с ямкой стоит привязанное за верёвку ведро. Вторым концом веревка закреплена на столбик у палатки. Сашка всегда перед сном сначала обливается водой сам, потом в ведре смачивает простыню. То же проделывают абсолютное большинство солдат, за исключением тех, для кого такие условия привычны с детства.

Старшина роты как-то изрёк предположение, что это горы своим весом выдавили воду почти на поверхность земли. Так ли, нет, Сашка не знает точно, но соглашается. Потому что гипотеза уж больно красивая. Да и горы тяжёлые. Что им стоит выдавить какую-то воду из-под себя к казармам батальона аэродромно-технического обеспечения?!

Да в лёгкую! Тем более, вода – вещь в пустыне самая необходимая. Даже можно сказать – первостепенная вещь.

Лейтенант Епишкин верит. Потому как такая живительная вода прямо у палатки. Пей, хоть лопни. Обливайся, сколько влезет.

Правда, за казармой устроен самый настоящий полевой умывальник для личного состава. Вода подаётся по трубам из скважины в краны. Смонтированы раковины. Всё честь по чести. Сама скважина расположена на краю гарнизона, за автопарком и охраняется круглосуточно. Потому как стратегический объект.

А ещё рядом с гарнизоном, за аэродромом, протекает подземная река. Да-да! Подземная река! По её руслу уже на поверхности тянутся заросли камышей. Но и есть расселина, достаточно широкая, где река выходит на поверхность. Здесь – излюбленное место личного состава гарнизона, пляж, можно сказать. Экзотический до неприличия, но пляж. Военный курорт. Или курорт для военных Кандагарского гарнизона? Впрочем, какая разница как это назвать?! Важно, что есть река, пусть и подземная. И вода в ней прохладная, и, что не маловажно, мокрая. Именно такая, как тебе и надо.

Под солнцем – жара за пятьдесят. А ты раздеваешься прямо на ходу, изнемогая от жары и нетерпения, и с разгона – бултых! в прохладную воду, и поплыл, поплыл, наслаждаясь и блаженствуя. А вот и грот, как вход в подземное царство. Прохлада, полумрак, а ты плывёшь всё дальше и дальше под мрачными сводами грота. Река уходит под землёй неизвестно куда.

Конечно, приятно, что и говорить. После жары-то. Но и жутко. Кто его знает, что там в этом гроте? Кто там ещё плавает? Может, какая живность экзотическая ждёт тебя, безалаберного, слюной исходит страшно-кровожадная? Кто или что тебя поджидает во мраке грота?

Поэтому Сашка рисковать здесь не любил. Так, только чтобы нервы пощекотать, чтоб охладиться, да и обратно из грота на открытое пространство, к людям.

– Может, сходим искупаться, а, Коля Вася? – Епишкин вытер в очередной раз пот с лица. – Жарко.

– Товарищ лейтенант! Возьмите и нас за компанию, – из казармы вышел сержант Говоров, закурил.

– Ротный как? Разрешил?

– Он на «Ариану» уехал с начальником штаба. По кантинам пойдут, покупки делать будут.

– Ты откуда знаешь, Ваня?

– Так их Серёжка Жилин повёз на машине. Он и сказал.

– Ну-у, если так...

О сержанте Говорове стоит поведать отдельно, ибо у него с лейтенантом Епишкиным особые отношения.

Иван Иванович Говоров – сержант, заместитель командира взвода. Но, поскольку в штабах по какой-то причине никак не могут найти замену уехавшему три месяца назад в Союз бывшему взводному, то сержант исполняет его обязанности. И, надо сказать, исполняет очень хорошо, добросовестно.

Во-первых, Говорова призвали в армию в двадцать шесть лет. Ещё бы чуть-чуть, и о призыве не могло быть и речи. Однако призвали. Успели призвать. Хотя у него дома осталась жена с трёхлетним сынишкой. До армии Иван Иванович успел окончить автомобильный техникум в городе Бобруйске, и поработать механиком в одной из автобаз.

Сейчас ему двадцать восемь лет, и он на шесть лет старше лейтенанта Епишкина.

Однако разница в возрасте не сказывается на служебных отношениях лейтенанта и сержанта. Субординацию в Советской Армии никто не отменял. Даже в Афганистане. Но вот элемент покровительства со стороны сержанта всё же присутствует. Ненавязчиво, мягко, незаметно Иван Иванович помогает становлению своего начальника – зампотеха роты лейтенанта Епишкина.

Сашка чувствует эту помощь с первых дней.

Сначала вроде как обижало покровительство подчинённого – младшего по званию, даже пытался поставить на место сержанта. Потом, правда, благоразумие взяло верх. Да и командир роты как-то в беседе намекнул, что стоит прислушиваться к мнению Ивана Ивановича Говорова.

– То, чему тебя учили в военном училище, лейтенант, закрепляли на войсковых стажировках – это одно. Прислушивайся к мнению сержанта Говорова – толковый мужик, плохому не научит не только в технике, но и в работе с личным составом. Это для тебя сейчас важнее всего. Техника – это железо. А вот люди... Ты хоть знаешь, какая работа в армии труднее всего?

– Ну-у, – затынул лейтенант Епишкин.

– Не ломай голову, Сан Степанович, – прервал Сашкины потуги ротный. – Самая тяжёлая, самая неблагодарная работа в Советской Армии, да и в любой другой армии мира – это работа с личным составом. Небось, педагогику и психологию в училище на «отлично» сдал?

– Да, – кивнул Сашка. – Неужели сержант знает больше наших преподавателей?

- Открою тебе тайну, лейтенант, ты только никому ни слова, ладно?
- Могила, товарищ капитан, – Сашка настроился на игриво-серьёзный лад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.